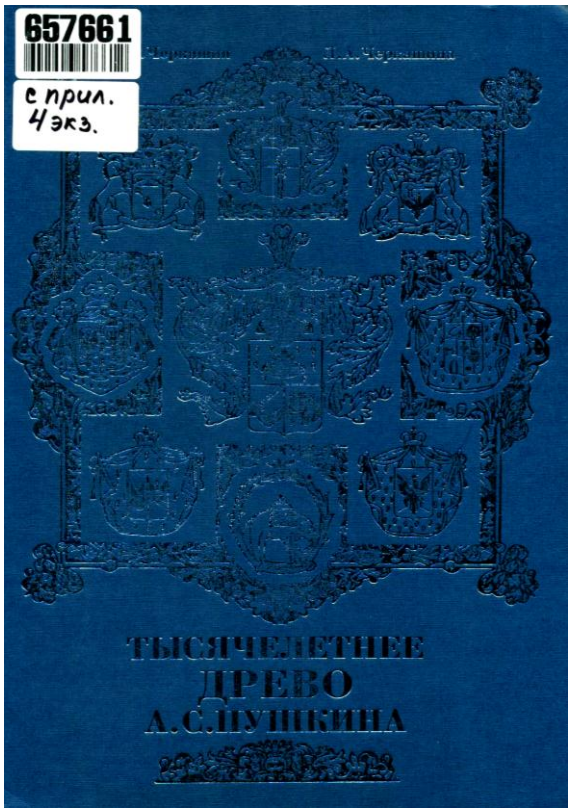


Книга находится в отделе редких книг и литературы по искусству
Инвентарный номер – **657661**

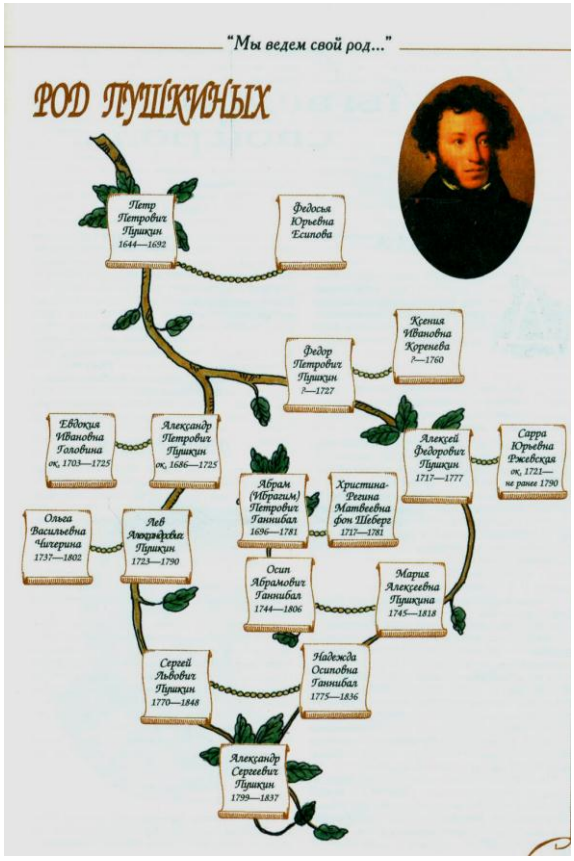
Черкашин, Андрей Андреевич.

Тысячелетнее древо А. С. Пушкина : корни и крона / А. А. Черкашин, Л. А. Черкашина. - Москва : Либерея-Бибинформ, 2005. - 200 с.: ил., вкл. л., генеалогич. табл.

Книга исторических этюдов, открывающая читателю многоколенный, разветвленный род Пушкина, корнями уходящий в седую древность, а побегами — соединяющий с днем сегодняшним.
В издание вошла и самая подробная карта-схема «Родословное древо А.С. Пушкина», не имеющая аналогов по обилию прослеженных родственных линий, составленная известным пушкинистом-генеалогом А. А. Черкашиным. В пушкинском древе родословия представлены более 2000 имен, в их числе — многие знаменитые люди России.

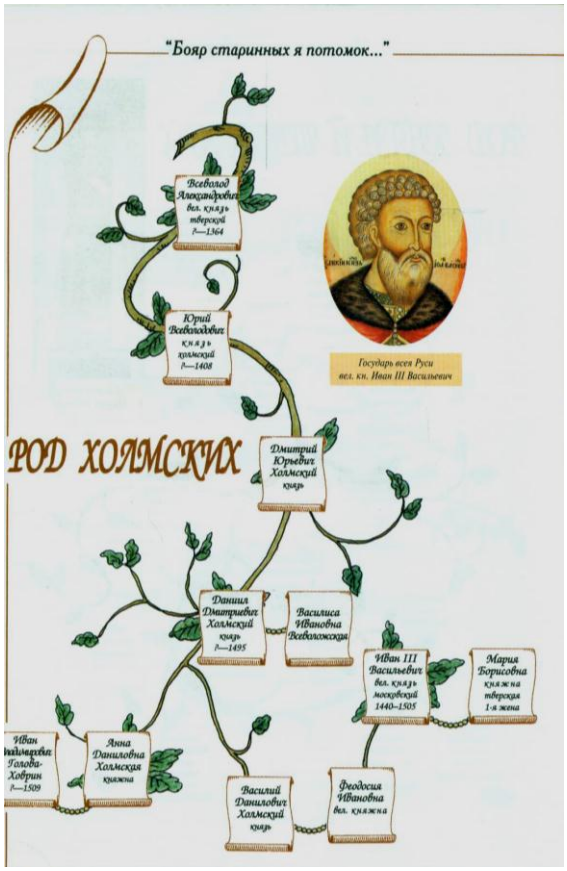
Книга, ставшая фактически после ее выхода в 1998 году библиографической редкостью, переиздается по многочисленным просьбам любителей российской словесности. Предназначена для самого широкого круга читателей: от школьников до исследователей-пушкинистов.

Ветвистое древо полного родословия А.С. Пушкина воссоздавалось на берегах той же Яузы, где родился поэт, в полутора верстах выше по течению — в старинном и достославном некогда селе Преображенском, а ныне большом новом районе Москвы. Правда, от времен любимого героя Пушкина — Петра I, — времен его юношеских потех и великих государственных реформ остались разве что извивы речного русла да названия улиц: Потешная, Игральная, 9-я Рота, Знаменская, Зельев переулок... Именно здесь, сначала на Игральной, затем на Знаменской, появились на белизне ватманского листа первые веточки гигантского генеалогического древа, изумляющего всех, кто его видел, обширностью и неожиданностью родственных связей русского поэта.



Всю эту грандиозную и кропотливую работу проделал самодеятельный историк, офицер в отставке, инвалид минувшей войны Андрей Андреевич Черкашин. Помимо библиотек и архивов, помимо собственной комнатки-кабинета, заваленной книгами, рукописями, свитками черновиков, завешанной репродукциями портретов людей из пушкинского окружения, многолетняя и каждодневная работа продолжалась и в палате старинного — опять-таки петровских времен — госпиталя на Яузе, куда фронтовые раны время от времени приводили командира гвардейской части.

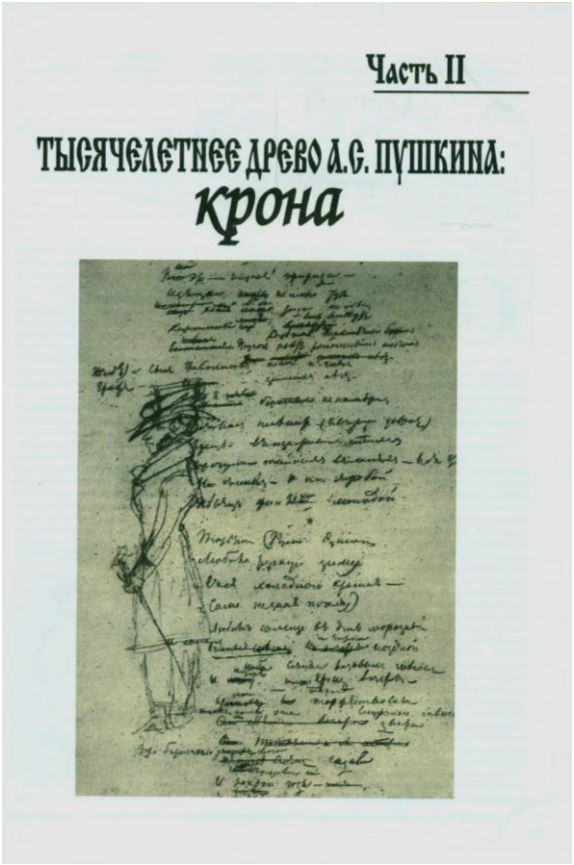
Врачи приемного отделения уже привыкли к тому, что на каталке, увозящей в палату их необычного пациента, всегда лежала чертежная туба, набитая свернутыми листами, и уже знали, что через день-другой придет навещать Черкашина не кто иной, как правнук великого поэта — Григорий Григорьевич Пушкин.



В сорок первом они оба защищали Москву, правда, на разных рубежах. Григорий Григорьевич приносил своему другу не только пакеты с яблоками, но и новые сведения для «разрастающегося» пушкинского древа.

Ни врачи, ни медсестры деликатно не замечали явных нарушений строгой больничной жизни. Знали, что дело только поможет их пациенту. Работа над схемой поддерживала его жизненные силы не менее эффективно, чем самые действенные лекарства, — на это время, как под наркозом, отступала боль.

Пушкин — эта наша российская история, и в ней кроются истоки пушкинского рода. Поэтому Черкашин и принялся за составление родословий старинных княжеских фамилий и царствовавших домов: Рюриковичей, Чингизидов, Гедиминовичей, Романовых, династий византийских императоров, английских, греческих и польских королей. Помните, поэт писал: «Водились Пушкины с царями...»



И когда исследователь завершил задуманное, оказалось, что составленная схема вобрала в себя более трех тысяч исторических имен; в их числе прославленные государственные деятели, полководцы и воеводы, святые Православной церкви. В этом густом генеалогическом лесу предстояло проложить тропинки, ведущие к пушкинскому роду.

Одно необычное обстоятельство открылось ему тогда: в сущности, невозможно восстановить в полном объеме родственные связи ни одного из ныне живущих. Но история будто сама позаботилась сохранить для будущих поколений имена предков Александра Сергеевича Пушкина. Действительно, история его рода неотделима от судеб Отечества — без Пушкиных, Ганнибалов, Головиных, Чичериных, Ржевских, Беклемишевых и множества других славных русских фамилий не было бы полной истории России.

Есть некая знаковая система, которую еще нужно постичь и истолковать: Пушкин родился в четверг, в мае, Черкашин умер в четверг, в мае; Пушкина крестили в Елоховском соборе, Черкашина там отпевали. Жизнь поэта отмерена тридцатью семью годами, его генеалога — в зеркальном отражении — семьюдесятью тремя. Поистине, «бывают странные сближения».

В жизни был Андрей Черкашин светлым, лучезарным человеком, — свет этот не рассеялся и после его смерти. И лучшим памятником Черкашину стало издание этой книги и созданного им полного пушкинского родословия.

Николай Андреев, писатель

«Что Пушкин для нас? Великий писатель? Нет, больше: одно из величайших явлений русского духа, И еще больше: непреложное свидетельство о бытии России, Если он есть, есть и она.,. Нам стоит только вспомнить Пушкина, чтобы убедиться, что Россия была, есть и будет».

Дмитрий МЕРЕЖКОВСКИЙ